

The background of the cover is a dark, moody illustration. It depicts a woman with long dark hair, wearing a blue dress, standing on a set of stairs. The stairs and the woman are silhouetted against a bright, yellowish-gold light that emanates from a large, arched opening in the background. To the left of the stairs, there is a dark railing with vertical bars. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Майте Карранса Отравленные слова

*Перевод
Маши
Малинской*

18+

REBEL

Майте Карранса
Отравленные слова

«Popcorn books»

2010

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Карранса М.

Отравленные слова / М. Карранса — «Popcorn books»,
2010 — (REBEL)

ISBN 978-5-6048362-1-7

Четыре года назад пропала пятнадцатилетняя Барбара Молина. Ни у полицейских, ни у родителей не осталось ни малейшей надежды разыскать девушку. Тело Барбары не найдено, как не найдены доказательства для ареста подозреваемых. Но один короткий звонок переворачивает судьбы связанных с Барбарой людей: следователя, готовящегося уйти на пенсию; матери, отчаявшейся найти дочь; молодой девушки, предавшей лучшую подругу. Неужели разгадка таинственного исчезновения Барбары наконец-то близка?..

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-6048362-1-7

© Карранса М., 2010
© Popcorn books, 2010

Содержание

Часть первая	6
1. Сальвадор Лосано	7
2. Нурия Солис	10
3. Барбара Молина	14
4. Сальвадор Лосано	19
5. Барбара Молина	25
6. Эва Карраско	28
7. Сальвадор Лосано	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Майте Карранса

Отравленные слова

Женщинам, которые страдают

PALABRAS ENVENENADAS
de Maite Carranza

© Maite Carranza, 2010

© Маша Малинская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023

Иллюстрация на обложке © Hokyung Kim, 2023

Часть первая

Девчонка, которая смотрела «Друзей»

День, когда мне исполнилось девятнадцать, был похож на любой другой. Конечно, я знала, что стала на год старше, но мне было все равно: итог последних трехсот шестидесяти пяти дней моей жизни был точно таким же, как итог предыдущих трехсот шестидесяти пяти, а значит, без этого года можно было бы и обойтись.

И все же, пытаясь найти во всем этом хоть что-то хорошее, я пришла к выводу, что в дне рождения есть свои плюсы: по крайней мере, мне полагается подарок.

Свечки, подведение итогов прошедшего года, обещания быть счастливой в следующем – все это чушь. Я не придавала особого значения этому дню: мой образ жизни не располагает к веселью. Я нашла убежище в повседневных делах: встала, сделала зарядку, приняла душ, позавтракала, почитала учебники, пообедала, немного посмотрела телевизор и принялась с улыбкой ждать гостя. Это было несложно, я привыкла довольствоваться малым.

Неделю назад он спросил, есть ли у меня какой-нибудь каприз, что-то особенное, чего мне очень хочется. Я понимала, что он готов купить мне что угодно: платье, туфли, айпод. Но мне не было нужно то, что можно купить за деньги, так что я попросила его свозить меня на пляж. Это была моя мечта – броситься со скалы в море, уйти под воду, не закрывая глаз, плыть кролем, пока не начну задыхаться, а потом лежать на пенных гребнях и качаться на волнах. Я мечтала почувствовать себя совсем легкой, невесомой, скользить в воде, как рыба, чтобы мое белое тело стало лишь далекой точкой, пятнающей синеву неба.

Он сказал, что, может, когда-нибудь потом, и подарил мне диск с девятым сезоном «Друзей». Должна признать, я обрадовалась.

1. Сальвадор Лосано

Субинспектор Лосано стоит перед дверью семьи Молина и переводит дух. Он в сером пиджаке, который купил на свадьбу сына семь лет назад, и в шелковом галстуке с розоватыми разводами. Ему неловко, в последний момент приходит в голову, что галстук выглядит чересчур веселеньким. От одежды сплошные страдания. Он тянется к звонку и чувствует, что ладони вспотели. Он не любитель ходить по домам, но к Молина зайти нужно, вежливость обязывает.

Если б он не зашел к ним сегодня, всю оставшуюся жизнь жалел бы, что не поставил точку, и еще, чего доброго, не смог бы спокойно спать. Он вытирает руки бумажным платком, обнаруженным в кармане брюк, прерывисто дышит. Преодолеть три этажа ему непросто – то ли из-за веса, то ли из-за возраста, кто его разберет, – но он решился и, как бы ему ни хотелось избежать этого разговора, он все-таки должен побеседовать с супругами Молина. Они не могут узнать от кого-то еще или тем более по телефону, это было бы жестоко. Так что Лосано прочищает горло, как перед допросом, и с силой нажимает на звонок. Он несет ответственность за это дело, говорит он себе, за этот кошмар, который однажды застал их врасплох и до сих пор каждый день отбирает у них желание жить. Они уже почти сдались. Как больные при смерти, даже дни бросили считать. И все же иногда он различает в их взглядах искру надежды, готовую вспыхнуть от чего угодно. Они ждут чуда, ждут, когда обнаружат ее тело.

Дверь не открывают, похоже, никого нет дома. Он снова звонит, на сей раз дольше, звонок звучит резко и долго не умолкает.

«Я не сумел им помочь, – думает он, прислушиваясь, не раздастся ли из квартиры какой-нибудь звук. – Тишина, наверное, никого нет». Он мысленно перечисляет все, что может им оставить: брошенную сумку, папку с незакрытым делом (тело не найдено) и пожелтевшую фотографию улыбающейся девушки, затерявшуюся среди кучи бессмысленных бумаг и протоколов. Никаких следов.

Вдруг кто-то недоверчиво приоткрывает дверь; изнутри она заперта на цепочку. Из него-степриимной темноты коридора доносится голос:

– Кто там?

Это голос Нурии Солис.

Семья Молина живет в районе Энсанче¹, у них скромная квартира в светлых тонах без всяких излишеств. Раньше она была удобной, но теперь выглядит старой, отжившей свое. Штукатурка на стенах облупилась, мебель покрыта слоем пыли, жалюзи в столовой сломались два года назад, и их так никто и не починил.

Кухня холодная, без души. Здесь никогда не пахнет супом или жарким. Иногда ему кажется, что здесь живут мертвецы: уже четыре года, как семья Молина умерла, но искусственно поддерживает в себе жизнь. Их дети молчаливые, тихие, все время норовят ускользнуть. Мальчики-близнецы, долговязые и застенчивые, им сейчас пятнадцать – столько было Барбаре, когда она пропала. Но близнецов словно бы и нет: их не замечают, а сами они понимают друг друга почти без слов и отводят взгляд, когда в дом приходит кто-то посторонний. Они научились не мешать страданиям родителей, детство их было сломано.

Нурия Солис встречает его как всегда: «Вы нашли ее?» Ничего нет чудовищнее, чем «нет», но так она не станет задавать больше вопросов.

– Я пришел попрощаться.

Нурия замирает, словно не поняла его слов. Она не приглашает его зайти – сняла цепочку и застыла в дверях, словно ей дали пощечину.

¹ Энсанче – богатый район Барселоны. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Попрощаться? – повторяет она, не в силах поверить.

Сальвадор Лосано входит в квартиру, мягко закрывает за собой дверь, без приглашения заходит в гостиную.

– Ваш муж дома?

Нурии Солис сорок три года, она медсестра. Когда Лосано познакомился с ней, ей было тридцать девять, и она была красавица. Сейчас она почти седая, неопрятно одета и дышит будто через силу.

– Нет, его пока нет, он на работе, – отвечает Нурия.

Ну да, говорит про себя Лосано, конечно, в первой половине дня люди обычно работают – вот как он сам, но для него это последний рабочий день.

– Тогда, если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с вами.

Лосано садится и приглашает Нурию сесть, как будто это она пришла к нему в гости, а не наоборот. Она покорно садится и слушает его или делает вид, что слушает. Уже давно она хочет услышать ответ на один лишь единственный вопрос, но, услышав его, отключается и дает словам рассыпаться, разлететься.

– Завтра мне исполняется шестьдесят пять, я тянул до последнего, но меня все-таки отправляют на пенсию, – говорит Лосано без экивоков.

Чем быстрее, тем лучше, так не будет никаких недоразумений, думает он.

Она смотрит на него с неопределенным выражением лица, взгляд ее бежит, так что Лосано поначалу не понимает, дошел ли до нее смысл ее слов. Он предпочел бы поговорить с Пепе Молиной.

– Значит, вы больше не будете ее искать? – медленно спрашивает Нурия.

– Конечно, будем, – тут же отвечает субинспектор. – Теперь ее дело переходит в руки моего преемника, он будет вести расследование и держать с вами связь.

Нурия ненадолго успокаивается, но тревога тут же возвращается.

– Кто он такой?

Лосано старается говорить убедительно, но слышит в собственном голосе фальшь.

– Его фамилия Суредра, молодой, активный, с хорошей подготовкой. Он наверняка будет удачливее меня.

Лосано хотел было сказать «профессиональнее», но решил не лгать.

Будущему субинспектору только-только исполнился тридцать один год, ему предрекали блестящее будущее, в его случае можно говорить об энтузиазме – но не о профессионализме.

Нурия молчит, она ошеломлена. Может быть, уловила в его голосе невысказанные сомнения. Она всего боится; когда рядом муж, она даже не разговаривает, позволяя ему решать всё самому. А вот Пепе не сдался. В первые месяцы он как с цепи сорвался, делал все, чтобы найти Барбару, все время вмешивался в расследование, но сейчас поуспокоился и, похоже, смирился с утратой. Нурия и Пепе переносят горе по-разному: муж страдает с достоинством, а вот жена совсем его утратила и напоминает вымокшего под дождем цыпленка.

Нурия кивает и уходит в себя: сидит потухшая, безразличная ко всему. Ничто ее не интересует, она сложила с себя обязанности хозяйки. Лосано думает, что здорово было бы познакомиться с ней раньше, до того как Барбара пропала, а сама она потеряла желание жить. Эта неопределенность совсем затуманила ей голову.

Нурия молчит, ерзает на стуле. Видно, что ей неудобно.

– Вам бы поговорить с моим мужем, – вдруг говорит она, – у него-то все в порядке с головой.

Лосано думает, что так оно и есть, но принимается убеждать ее, что она столь же ценный собеседник, как и ее муж. Но Нурия уже встала, взяла с тумбочки телефон и набрала номер.

– Пепе? – говорит она просительным тоном, и черты ее лица меняются, пока она слушает ответ. – Нет, я знаю, что ты работаешь, просто к нам зашел субинспектор Лосано. – Она умол-

кает на несколько секунд, а потом неуверенно продолжает: – Нет, про Барбару новостей нет. Он завтра выходит на пенсию, хотел с тобой попрощаться.

Пепе на том конце провода что-то долго ей втолковывает, наконец она говорит: «Хорошо». Ее черты разглаживаются, словно муж решил за нее задачу, с которой она сама бы не справилась.

Нурия вешает трубку, на лице у нее написано облегчение: непредвиденные трудности позади.

– Пепе заедет к вам сам, – говорит она.

Лосано не сомневается: Пепе – человек инициативный и четкий. Он представитель ювелирной компании, умеет разговаривать с клиентами и планировать свое время. Постоянно в разъездах, но при этом умудряется уделять время жене и близнецам. Он и с собакой разобрался – увез ее из дома, слишком уж она им всем напоминала о Барбаре. Энергичный, решительный, неутомимый – даже демонстрации устраивал у полицейского участка, всегда стоял в первом ряду с плакатом в руке.

Субинспектор встает, дольше задерживаться здесь ему незачем: все уже сказано, к тому же Нурия позабыла элементарные правила вежливости и даже не предложила ему кофе.

Худшее позади, говорит себе Лосано. Они молча идут к двери, и перед тем, как открыть, Нурия поворачивается и обнимает его. Он не знает, как реагировать, просто стоит, опустив руки, но потом ее чувства передаются ему, и он тоже обнимает ее, будто пытаясь защитить. Она хрупкая, как ребенок – ребенок, которого сломала жизнь. Так они и стоят, обнявшись, в безмолвном прощании.

– Спасибо, – шепчет Нурия Солис и отстраняется, оставив у него на сердце тепло, в котором растворяется горечь поражения. Просто взяла и поблагодарила его – а ведь полицейские никогда не ждут благодарности, хоть и желают ее в глубине души. Поняла, чего ему стоило прийти сюда, чтобы попрощаться. Она знает: он тоже не хочет бросать дело Барбары, ему жаль отдавать Барбару в чужие руки, которые станут мусолить воспоминание о ней – с энтузиазмом, но без капли бережности.

Стоя в дверях, Нурия улыбается ему сквозь слезы, и на несколько секунд в ее улыбке проступает улыбка Барбары, свежая и сияющая, как на фотографии, на которую он смотрел столько раз.

2. Нурия Солис

Нурия бродит по квартире, будто призрак. Визит субинспектора растревожил ее. Нет, говорит она себе, ни к чему искать оправдания: она живет с этой тревогой уже давно, но иногда это становится невыносимо, ей будто ножом вспарывают кожу. Вот как сейчас: у нее из легких словно выкачали весь воздух, и что-то вынудило ее открыть дверь в комнату Барбары. Обстановка не тронута, там все точно так, как было четыре года назад. Это единственная комната в доме, которую Нурия регулярно убирает, будто святилище. Вытирает пыль со стеллажей, моет пол, проходится тряпкой по столу. Раньше она запиралась здесь и пила в одиночестве. Только она, бутылка «Торреса» и запах духов Барбары. Среди фотографий, книг и игрушек, оставшихся со времен ее детства. Нурия выходила из комнаты совсем убитая, и, чтобы прийти в себя, ей требовались недели.

«Ты не в себе», – говорил ей Пепе.

Вначале она спорила, но в конце концов признала его правоту. Ее затянуло в бесконечный круговорот жалости к себе. Так четко разобрал ее чувства психиатр – и выписал ей таблетки. Таблетки, чтобы вставать по утрам, таблетки, чтобы ходить, таблетки, чтобы спать, таблетки, чтобы жить. Она подозревала, что этих таблеток слишком много, что они крадут ее злость и душат ее крики. Но в то же время они стирали ее боль. Ее чувства еле теплились, как на водяной бане, но, когда Нурия бросала пить таблетки, Пепе отчитывал ее и заставлял к ним вернуться: «Ты больна, признай это».

Сейчас она живет на таблетках, давно не пьет и гораздо реже думает о самоубийстве.

Но с ней не все хорошо, с ней никогда уже не будет все хорошо. Она тащит груз своих обязанностей.

После полугода на больничном Нурия вернулась на работу. Она медсестра, дежурит в больнице по ночам. Это Пепе посоветовал ей вернуться: не отказывайся, работа отвлечет тебя, и потом, это недалеко от дома. Почему бы и нет, так ей не придется больше страдать от бессонницы и преодолевать ночную тьму, слушая тиканье часов и храп Пепе. Она почти не спит. Возвращается домой уже под утро, готовит близнецам завтрак, поднимает их и отправляет в школу, а потом ложится и притворяется, что отдыхает, но на самом деле не может отключиться. Она крутится в постели, закрывает глаза и снова открывает. Сердце бьется как безумное. В больнице ночью работы мало. Ее направили в отделение гинекологии, коллеги ей достались понимающие и сочувствующие: объясняют шутки, угощают в день рождения кавой² и сладостями, по-матерински обнимают, чтобы отогнать грусть. Их объятия ободряют Нурию, так что изредка среди коллег она чувствует себя собою прежней: сильной, прагматичной и решительной. Такая женщина, как она, могла бы многого достичь, если бы взялась методично распутывать клубок своих желаний, потянув за любую из нитей: уехать жить в деревню, или купить трейлер и колесить по свету, или доучиться на врача (она бросила учебу, когда родилась Барбара). У Нурии было много амбициозных планов, которые размылись во время декрета и полностью испарились после чудовищного исчезновения ее дочери. Раньше она пользовалась уважением коллег, у нее были ответственная работа и все шансы стать главной медсестрой. Когда-то она была отважной девушкой, любила ходить в горы, занималась скалолазанием и ездила в Альпы кататься на лыжах. Теперь этот образ лишь размытое воспоминание, навеянное фотографиями из прошлого, словно бы принадлежащими другому человеку, храброй смешливой студентке, девушке, в которую когда-то влюбился Пепе. Теперь она больше не фотографируется. Не хочет видеть своего изображения. Работа затягивает ее, так что иногда она даже забывает о Барбаре. Иногда необходимость спасти чужую жизнь на мгновение стирает

² Кава – игристое вино, которое производят в Каталонии.

ее собственную агонию. Она видела, как женщинам отрезают грудь, вырезают матку, оперируют тромбы и яичники, а еще она видела, как умирают юные девушки. В такие моменты она знает, что существует страдание, подобное ее собственному или, по крайней мере, равное ему. Но это длится недолго. Стоит ей отвернуться и дойти до дома, как земля вновь уходит у нее из-под ног. Ничего нет ужаснее неопределенности, думает она. Живые хоронят мертвых и оплакивают их. Приносят цветы на могилы, навещают их в День всех святых. А она не знает, жива ли Барбара или мертва. Не знает, как быть: оплакивать ли дочь, носить ли по ней траур или поддерживать в себе искру надежды. Эти постоянные сомнения убивают, эта чудовищная неопределенность гложет ее изнутри, но она горда и не хочет, чтобы ее жалели. Она ненавидит соболезнования и слова сочувствия, поэтому никогда не заходит в магазины, только из дома в больницу и обратно. С самого исчезновения дочери она не была в школе, где учатся близнецы и где провела двенадцать лет Барбара. Нурия не хочет ни с кем разговаривать, она не хочет видеть матерей с дочерями. В тот единственный раз, когда она пошла с Пепе за покупками, она повсюду, как одержимая, видела только матерей с дочерями. Они выбирали туфли, разглядывали серьги, мерили футболки, смеялись в очереди к мяснику. Это было как удар под дых! «А Барбары больше нет», – твердила она в машине, трясаясь от истерических рыданий. А потом Пепе дал ей пощечину. Больше никогда никаких магазинов, пообещала она себе.

Она освобождена от хозяйственных хлопот. Пепе стал закупать продукты на неделю, гулять с собакой, он взял на себя всю их семейную логистику. В первые дни Нурия то и дело спотыкалась о пса Барбары – тот обнюхивал каждый сантиметр их квартиры и тоскливо лаял у двери в опустевшую комнату. «Увези его, пожалуйста», – в отчаянии попросила Нурия. И Пепе посадил пса в машину и увез в дом в Монсене. Нурия очень ему благодарна, потому что ей больше не нужно думать. Она утратила привычку думать, выбирать, принимать решения. Делает что скажут, и все. Она больше не может ничего решать и смирилась с этим. А вот Элисабет, ее сестра, все никак не поймет.

– Ты же не такая, ты разве не понимаешь? – твердит она. – Ну пожалуйста, кричи, ударь кулаком в стену, делай хоть что-нибудь.

Элисабет все такая же, как в детстве, часто думает Нурия. Она держится за детские воспоминания и не принимает перемен. Элисабет не смирилась ни с ее замужеством, ни с появлением детей, потому что ради этого Нурии пришлось отказаться от других желаний, как это всегда и бывает во взрослой жизни. Сестра думала, что она всю жизнь так и будет скакать по скалам без продыху, как горная коза. Элисабет хотелось бы вернуть себе старшую сестру из детства, которая не боялась темноты, пела ей песни и держала за руку по ночам. Она не может принять Нурию такой.

– Ты должна быть самостоятельной, – повторяет она.

– Зачем? – спрашивает Нурия. – Зачем быть самостоятельной, если мне ничего не хочется?

Живые не могут этого понять. Она превратилась в обузу.

Иньяки, муж Элисабет, три лета подряд приглашал ее поплавать с ними на яхте. «В море тебе станет лучше, ветер, волны – ты оживешь».

Он баск и жить не может без моря.

Но ее море не манит, как и множество других вещей.

«Тебе нужен отпуск», – настаивает Иньяки во время телефонных разговоров.

Но зачем ей отпуск, если все дни для нее одинаковы? Каждый день оборачивается для нее пыткой, где бы она ни находилась. Она обречена страдать вечно. Если бы она только знала, жива Барбара или мертва, развязался бы этот узел у нее в груди, который временами душит ее. Где она? Жива она или мертва? Как о ней думать – как о живой или о мертвой?

Бывают дни, когда труп Барбары является ей в повторяющихся кошмарах. А иногда Барбара смеется, перемазанная шоколадно-ванильным мороженым. Но чаще всего в ее снах Барбара одинока и страдает, и тогда Нурию терзает ощущение собственного бессилия.

В детстве Барбара была ее девочкой. «Моя маленькая», – шептала ей Нурия, пока та спала, посасывая большой палец. Они повсюду ходили вместе. «Ко мне тут мятная жвачка прилепилась, – говорила она в шутку подругам. – Вот, посмотрите, ее зовут Барбара». «Я не мятная жвачка, – протестовала Барбара, – я клубничная девочка». Бойкая, шустрая, сообразительная – такой она росла. Очень рано начала говорить и все время что-то лопотала. Бывало, в лифте или в поликлинике Нурии приходилось за нее краснеть.

– Смотри, мама, у этой женщины волосы покрашены.

– Ну... понятное дело, и у меня тоже.

– Да, но только у нее плохо покрашены и корни торчат, а у тебя нет.

Такие истории рассказывались за ужином под сдавленный хохот, а с рождением близнецов их стало еще больше. Когда они родились, Барбаре было четыре, и ее взяли в роддом знакомиться с ними. Взволнованная Нурия показала малышей Барбаре. «Смотри какие, как куколки!» Барбара внимательно оглядела их, состроила для порядка пару рожиц, а потом открыла шкаф и сказала на полном серьезе: «А теперь давайте их уберем, я еще завтра немножко поиграю».

Нурии хотелось, чтобы Барбара подольше оставалась маленькой, но ее детство пролетело, пока Нурия была связана по рукам и ногам близнецами: проводила все время на полу, с опущенной головой и вечной болью в пояснице. И тогда Барбара переключилась на Пепе. Он щекотал ее, купал и водил в парк. Они так прекрасно ладили, что Нурия решила не влезать в их отношения. А когда близнецы подросли и она смогла наконец поднять взгляд, Барбара уже стала девушкой и начала раздражать Пепе своим непокорным нравом. В двенадцать Барбара была высокой и нахальной и ни перед кем не пасовала. Пепе это бесило, а Нурию забавляло. Буйным цветом расцвели их разногласия по вопросам воспитания детей. Пепе пытался обуздать Барбару, а Нурия поощряла ее выходки. Нурия не умела быть строгой, не умела ни говорить «нет», ни сердиться по-настоящему. У нее то и дело вырывалась улыбка, а решительность дочери восхищала ее. Нурия не сумела предвидеть опасностей, которые таило взросление Барбары. Уже в двенадцать их дочь не боялась никого и ничего, и если Нурию это устраивало, то Пепе, куда более проницательный, был недоволен.

– В следующем году она не поедет в Бильбао, – заявил он однажды, когда Барбара вернулась с севера. Это была самая тяжелая, самая горькая их ссора до того момента, как все началось. Барбара всегда проводила июль с тетей и ее мужем. Они возили ее на море: плавать на яхте, нырять и заниматься серфингом. Иньяки и Элисабет были моложе и либеральнее ее родителей, они позволяли Барбаре поздно ложиться спать, купались голышом и делали много такого, чего Пепе не одобрял. Нурия, более терпимая, чем муж, пыталась сглаживать эти противоречия. Они спорили и спорили, но Пепе так и не смягчился, и на следующий год Барбара в Бильбао не поехала.

Нурия не раз возвращалась мыслями к тому неприятному разговору, который так ее встревожил. Она хотела бы забыть то, что ей рассказала как-то Элисабет, возможно без дурного умысла, то, из-за чего они тогда поругались. Она злилась на сестру целых два месяца, даже отказывалась говорить с ней по телефону. Она никогда и ни с кем этого не обсуждала. Ей было так больно, что она даже не нашла в себе сил рассказать об этом Лосано. Ей не хотелось, чтобы он совал нос в ее личные дела, чтобы копался в ее грязном белье, да еще на виду у других. «Не выноси сор из избы», – мудро говорила ее бабушка. Нурия задвинула в дальний угол памяти те жестокие слова Элисабет, может, потому, что не поверила ей, а может, потому, что образ Иньяки, до того абсолютно безупречный, теперь был слегка запятнан и ей никак не удавалось, несмотря на все попытки, вернуть ему честность и цельность, которые всегда его отличали.

Почему она никому не рассказала?

Побоялась. Потому что Пепе наверняка заставил бы ее оборвать все связи с Иньяки и Элисабет. Нурия предпочла проглотить неприятности и жить дальше. Она не раз попадалась в эту ловушку: пытаясь избежать скандала, молчала и становилась рабой собственных чувств. Когда Барбара роняла перед ней огромные соленые слезы, Нурия смягчалась, напуганная суровой дисциплиной, к которой Пепе пытался приучить дочь. «Только папе не говори, ну пожалуйста, а то он рассердится». Нурия стала соучастницей ее лжи: прятала записки от учителей, скрывала ее похождения с друзьями и молчала о слишком откровенных нарядах. Поначалу все это были мелочи, пустяковые обманы, которые со временем росли, как и сама Барбара.

К пятнадцати годам Барбара вела двойную жизнь, и Нурии приходилось покрывать ее. Хранить секреты Барбары было все сложнее. К примеру, однажды Нурия обнаружила у нее на кровати противозачаточные таблетки, небрежно брошенные у всех на виду. Пришлось поговорить с ней, как женщина с женщиной, о сексе и венерических заболеваниях и взять с нее обещание соблюдать все предосторожности. Барбара выслушала ее, но отказалась идти вместе к гинекологу. «Как поступила бы в этой ситуации другая мать?» – спрашивала себя Нурия. В ее случае прагматизм возобладал над этикой. А может, в ее случае вообще нет смысла говорить об этике. «Будь осторожна», – сказала она тогда Барбаре. И не спросила ее ни о чем: ни с кем, ни когда, ни как. Она знала, что Барбара флиртует с Мартином Боррасом из турклуба. Они созванивались, ходили куда-то вместе, а иногда Нурия смотрела из окна, как он подвозит ее на мотоцикле. Ей казалось, что он чересчур взрослый для Барбары. Он был высокий, скользкий и нагловатый, а больше она ничего о нем не знала, потому что старалась не лезть в их дела. Может, боялась. Стоило задать Барбаре вопрос – и та тут же замыкалась в себе. А с Пепе об этом лучше было не заговаривать: его такие дела просто из себя выводили. Нурия металась между двух огней, ей было страшно. Да, страшно: она ведь сама поощряла такое поведение, покрывая Барбару перед Пепе. Нурии казалось, что все в порядке, что все это нормальная жизнь для девушки. Может, не в пятнадцать лет, но Барбара выглядела значительно старше, да и времена изменились. Уже нет необходимости в строгости, думала Нурия, глядя на свое отражение в зеркале в комнате дочери, сейчас ведь не принято ограничивать свободу девушек и не так уж и важно, во сколько лет у тебя случится первый секс. Дети теперь взрослеют раньше. Об этом твердят газеты, врачи, учителя, да и сама она не видит ничего дурного в том, что дети влюбляются и открывают для себя что-то новое. Может, это все ее глупость и мягкотелость, но Нурия верила: жизнь очень коротка, и Барбара имеет право прожить ее так, как хочет.

Но как же тогда воспитание? Нельзя позволять детям все, сказал ей психиатр. Нельзя позволять им самим принимать все решения, они ведь еще не взрослые. Родители должны устанавливать границы.

А она не смогла.

И теперь, четыре года спустя, Нурия винит себя в том, что Барбара связалась с Мартином. Она ведь сама говорила Пепе, что Барбара пошла позаниматься к подруге и останется у нее ночевать, она сама покрывала все ночные отлучки дочери, все ее тайные свидания. Как бы Нурии хотелось отмотать время назад. Чтобы все было как раньше. Когда – раньше? Может, когда они с Пепе еще любили друг друга. Ведь поначалу они по-настоящему любили друг друга. Когда познакомились, скоропалительно поженились, когда только-только родилась Барбара. Она хотела бы вернуться в прошлое, тогда она сумела бы воспитать Барбару в строгости, взять на себя ответственность за ее поведение.

Но это пустые мечты.

Барбара не вернется, а ей самой не суждено найти ответов на все свои «почему?».

3. Барбара Молина

Я не успела ничего обдумать, просто схватила телефон и спрятала. Это, наверное, инстинкт. Увидела, что он забыл его на кровати, села сверху, как будто случайно, и продолжала говорить как ни в чем не бывало. Сердце так колотилось, что я была уверена: сейчас он услышит. Тук-тук-тук, оно чуть из груди не выпрыгнуло. Но я не сдвинулась ни на миллиметр. Сейчас он спросит, где телефон, повторяла я себе, и тогда я встану, как бы чтобы помочь ему искать, возьму телефон, протяну ему и скажу: «Смотри-ка, вот, ты уронил».

Но мне не пришлось разыгрывать это представление: сегодня у него куча дел, так что он почти сразу убежал. «Очень тороплюсь», – сказал он. Видимо, так оно и было: он даже не забрал мусор и грязную одежду, как делает всегда.

Когда дверь за ним захлопнулась, я не стала ни пробовать еду, ни разбирать одежду, ни читать названия книг, даже не проверила, принес ли он пенку для волос, которую я просила. Я схватила телефон – трясаясь от возбуждения, не веря своему счастью. А что, если он сейчас за ним вернется? Я в страхе сунула телефон под подушку. Услышала, как автомобиль отъезжает, глубоко вздохнула, отодвинула подушку и тупо уставилась на телефон, не осмеливаясь к нему прикоснуться. У меня тряслись руки, как в семь лет, когда волхвы³ принесли мне в подарок барби. Я все-таки взяла его в руки, очень осторожно. Черная нокиа, с камерой и радио, она включена. Но, но... Я вскочила на ноги, держа телефон обеими руками, и забежала туда-сюда. Сердце мое сжалось, я глядела на экран, почти не дыша, все надеясь увидеть заветную полосочку. Вот сейчас, а может, вот здесь – пару раз я почти поверила. Но все было напрасно. Поверить не могу, здесь не ловит!

А значит, я не смогу никому позвонить.

Не может быть, не может быть, быть этого не может!

Не знаю, выкрикнула я это вслух или просто подумала. Но это неважно: меня все равно никто не услышит.

Я в пятнадцатиметровом подвале без окон, под домом, который стоит в поле, а вокруг ничего нет. Стены каменные, проложены пробкой для звукоизоляции, никакие звуки сюда не проникают. Здесь всегда пятнадцать градусов. Наверное, это было идеальное место для хранения вина, а теперь это моя могила. Вокруг никого. Я исчезла с концами, нет ни одного свидетеля. Как сквозь землю провалилась, и никто не знает, что я жива.

Непросто было смириться с тем, что эти четыре года там, наверху, жизнь продолжается без меня. Поначалу я кричала, пока не оглохну, а когда болело горло, колотила в дверь кулаками. Костяшки пальцев вечно были изодраны в кровь, а руки черные, в коросте. Боль была невыносимой, я рыдала, пока слезы не иссякнут. Но никто не пришел за мной, не вытащил из этой дыры, дни шли один за другим, каждый обрушивался на меня, как гильотина, убивая во мне надежду.

Тяжело поверить, что я совсем одна, но я знаю, что никто уже не помнит моего имени. Барбара? Что еще за Барбара? Мир, эгоистичный до отвращения, мною не интересуется. Меня как будто на помойку выкинули.

Может, это и к лучшему – что нет сети. В конце концов, кому я могла бы позвонить? Семье? От одной мысли об этом у меня подгибаются ноги. Я не могу даже сглотнуть слюну. Во рту пересохло, а чересчур огромный язык мешает, не дает вдохнуть.

³ В Испании рождественские каникулы заканчиваются 6 января, когда волхвы, которые по Библии первыми пришли поклониться младенцу Христу, приносят детям подарки: хорошим – то, чего те хотели, а тем, кто в течение года плохо себя вел, достается уголь из жженого сахара.

Нет, семье – ни за что, говорю я себе. Даже если бы я выбралась отсюда, не смогла бы посмотреть им в глаза. Не сумела бы обнять их и расцеловать. У меня не хватило бы храбрости сказать, как я люблю их. Он тысячу раз повторял мне, что они не простят меня, что выгонят из дома, что, если они узнают, как все было, скажут, что лучше бы я умерла. У меня больше нет семьи и не будет никогда. Если бы они узнали, что я за человек и что совершила, они стали бы стыдиться меня, отвернулись бы.

Я медленно дышу, чувствую боль в груди – мучительное прерывистое покалывание между ребрами. Оно началось, когда я стала искать возможность сбежать отсюда. Как-то раз я рыла туннель и, услышав его шаги, бездумно швырнула сверху подушку, чтобы прикрыть дыру. Или когда я прикидывала расстояние, отделяющее меня от кармана его брюк, в котором он прятал ключи. Однажды мне удалось их вытащить. Оба раза я почувствовала это тревожное покалывание в груди. Он заметил. Я была бледная, с синяками под глазами. «Ты что, наебать меня собралась?» Я бледнела еще сильнее, а он видел, что угадал. Смотрел на меня пристально, не отводя глаз, а потом в первый раз поднял подушку, а во второй – разжал мою ладонь с ключами. «Ну ты и идиотка! – говорил он, связывая меня. – Опять всё испортила».

Зачем я вообще взяла этот чертов телефон, если даже позвонить отсюда не могу? Вот дура. Я же ничего не могу от него скрыть. Уж не знаю, как он это делает, но он все знает, все видит, обо всем догадывается. Он будто видит мои мысли насквозь. «Знаешь, что будет, если тебя найдет полиция? – спросил он меня как-то раз, когда я строила планы бегства. – Ты не знаешь, что это за люди – полицейские. Они не такие, как в сериалах. Они сволочи и будут обращаться с тобой как с преступницей. Заставят тебя раздеться, чтобы провести обследование. Врачи в масках и перчатках станут совать тебе пальцы в самые укромные места – с отвращением, как будто у тебя СПИД. Они ничего тебе не скажут, но отвращение ведь не скроешь. Возьмут у тебя кровь и мочу на анализ, сфотографируют тебя голой и повесят фотографии на стене, у всех на виду. А потом станут допрашивать. Тебя посадят напротив жирного инспектора и заставят описывать ему – наедине – самые непристойные эпизоды твоей жизни, пока он будет ковырять в зубах зубочисткой. Они всё запишут, секретарша напечатает твои показания на компьютере, а через несколько часов их станут передавать из рук в руки, и полицейские будут умирать со смеху, читая, как ты срала в ведро. Желтые газеты напечатают твою фотографию на обложках, а потом тебя ждет долгий тяжелый судебный процесс, на который, конечно, слетятся журналисты. Тебе придется давать показания перед судьей, который не поверит ни единому твоему слову. Думаешь, кто-то вообще поверит шлюхе вроде тебя? Они поймут, что ты чокнутая, и прокурор разоблачит твои враки».

Я понимаю, что он хотел напугать меня, но знаю, что отчасти он прав. Полицейские и судьи всегда внушали мне отвращение: они жестокие и бесчувственные. Я вздыхаю, и с моей души сваливается тяжесть. Так даже лучше. И хорошо, что связи нет, что я не смогу никому позвонить. Я не хочу, чтобы меня полоскали в новостях. Не хочу, чтобы на улице на меня показывали пальцем, вспомнив мою фотографию в газетах, чтобы со мной мило здоровались, а несколько минут спустя перемывали мне кости в очереди в супермаркете. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись, не хочу, чтобы меня жалели, не хочу, чтобы меня обсуждали, не хочу являться подросткам в эротических снах, а старикам – в извращенных фантазиях. Не хочу всю жизнь прятаться от папарацци, которые способны забраться на крышу, влезть в окно, просочиться в ванную – и все это, чтобы украсть твою фотографию. Почему они не пробрались сюда? Почему им не хватило смелости спуститься в ад и вытащить меня из этой тюрьмы?

Нет, говорю я себе, я не готова выйти отсюда. Все скажут, что я сама виновата, что я уже не ребенок, не маленькая девочка. Она это заслужила, закричат матери. Она сама этого хотела, она безответственная, с ней опасно общаться, скажут они. Да, это правда, я не невинна – и невинной никогда не была. Я сама этого хотела, подталкивала его, мне это нравилось. А теперь я сама не своя, не могу с собой справиться, не контролирую себя. Что бы я сделала, будь

я свободна? Мир там, снаружи, ужасает меня. Я привыкла прятаться в темноте и не вынесу солнечного света. И потом, сегодня мне исполнилось девятнадцать, а я не могу в это поверить. Я запуталась и не знаю, как живут в девятнадцать лет – как разговаривают, как танцуют, какие носят прически и одежду.

Нет, нет! Это неправда! Я хочу выйти отсюда! Хочу увидеть солнце! Хочу дышать! Черт.

Я мешком оседаю на пол, обхватив голову руками, крепко сжав зубы.

Зачем? Зачем я взяла телефон и все испортила? За одну секунду перечеркнула предыдущие три года – три года смирения. Я и подумать не могла, что за одну секунду все изменится. И вот я снова чувствую злость, ненависть, отчаяние и страх.

Я не хочу снова страдать, как раньше. Можно отмотать все назад?

Я уже смирилась было, научилась выживать, довольствоваться тем, что жива, и забывать обо всем остальном. Как только я прекратила сопротивляться, сразу стало гораздо проще. Видишь, девочка, как все просто? Если ты будешь хорошо себя вести, я тоже буду добр к тебе. И он был добр: принес побольше еды и расширил мою комнату. Построил душ, туалет, купил мне зеркало, книги, музыкальный центр, а пару лет назад подарил мне DVD-проигрыватель и несколько дисков. Я слушаю U2, Coldplay и смотрю «Друзей». Они как будто здесь со мной, с ними время идет быстрее. Я знаю наизусть первые восемь сезонов и ужасно хочу посмотреть новые серии. Они тоже заперты, как и я, но на съемочной площадке.

Когда я сделала, что он хотел, а именно перестала надеяться, он сразу подобрел. Я очень люблю тебя, детка. Я не хотел таких крайностей, это ты меня вынудила. От этого плохо нам обоим. Теперь, если я его о чем-то прошу, он все приносит. Купил мне утюжок для волос, крем для депиляции и даже красный лак. Правда, ногти и волосы мне стрижет он. Не дает мне в руки ничего острого, говорит, не хочет, чтобы я порезалась, но, думаю, на самом деле он боится, что, если он на секунду отвлечется, я могу на него напасть.

И все же у меня бывают иногда внезапные порывы. Вот как сейчас – я все испортила, схватив этот несчастный телефон. Я уже раскаиваюсь, ужасно раскаиваюсь. Мне тяжело сдерживаться, он поэтому убрал зеркало. Чтобы я не порезалась осколками. Уже год я не видела своего лица. Могу только догадываться, как я выгляжу, глядя на отражение своего профиля в перевернутой пластиковой тарелке. Меня видит только он и говорит, что я очень красивая, что у меня чистая светлая кожа и что я не постарею, потому что солнце и загрязненный воздух ее не испортят.

Я вонзаю ногти в ладони и сжимаю, сжимаю, сжимаю кулаки, пока на глазах не выступают слезы.

Я хочу стареть, и потеть, и смеяться, и разговаривать, и кусаться, хочу набрать полные горсти песка, втереть его себе в кожу, хочу броситься в воду, потом выйти на берег, а на плечах – соль, йод и свет!

Я вроде бы давным-давно смирилась, а теперь вся накопленная злость разом выплеснулась из меня. Как раньше. Неужели это я кусалась, вырывалась, плевалась и брыкалась? Мне было непросто начать с нуля, но я научилась жить от минуты к минуте, погрузившись в свои повседневные дела. Привычный распорядок обволакивал меня, я как будто снова была у мамы в животе, мерно покачивалась внутри. Каждый день я проводила в уютном пузыре, где ничего не происходило и ничто не нарушало моего покоя. Я вставала, делала зарядку по схеме, которую принес он, принимала душ, готовила завтрак (молоко и тосты с маслом и джемом), включала музыку, ела, а потом брала учебники и начинала заниматься. Он по моей просьбе приносит мне учебники: биология, история, испанский, английский. Сейчас я бы запросто сдала FCE⁴. В прошлом месяце он принес мне «Коралину», роман Нила Геймана, и рассказал, что

⁴ FCE— международный кембриджский экзамен по английскому языку.

по нему сняли отличный мультик, пообещал принести мне диск, когда тот выйдет. Физику и математику он мне объясняет сам, хоть и без особого энтузиазма, а потом я решаю задачи. Учеба мне дается легко. Она отвлекает от других мыслей и приносит удовлетворение. Разобраться в задаче, запомнить несколько дат, прочесть книгу на английском – все это помогает мне, и я чувствую себя лучше, чем когда пялюсь в потолок часами напролет. Не то чтобы я понимала, зачем мне учиться дальше. Но если б я сомневалась во всем, я бы просто с ума сошла. Около двенадцати я разогревала в микроволновке готовую еду, которую приносил он. Он не позволял мне готовить, не доверял мне, и я на всякий пожарный откладывала немного еды и хранила в холодильнике. Оставляла каждый раз где-то четверть порции, клала обратно в контейнер и убирала в холодильник. Я худая, но не переживаю по этому поводу. Так я по крайней мере могу быть уверена, что, если его не будет несколько дней, я выживу. О том, что случится, если его не будет дольше, даже думать не хочу.

После обеда я смотрела «Друзей». Чувствовала себя как дома, как будто живу вместе с Джоуи и Чендлером и забочусь об утенке и курочке. Я переживала за Фиби, когда выяснилось, что у нее будут тройняшки, и грызла ногти каждый раз, когда Росс и Рейчел расставались, когда Джоуи увольняли с работы, а Моника нацеливалась выиграть в очередном споре.

Ближе к вечеру я полчаса занималась с двухкилограммовыми гантелями. Раньше я занималась перед зеркалом, а теперь его нет, и это бесит. А еще я танцевала. Закрывала глаза, представляла, что я в ночном клубе, что выпила пива, и оно ударило мне в голову, и теперь меня как будто кто-то щекочет и от любой глупости хочется хохотать. Вечером я читала. Много. За эти годы я прочла столько книг, сколько другие за всю жизнь не прочтут. Он не любит романы, говорит, что предпочитает эссеистику. Я глотала книги с такой скоростью, что он стал носить мне романы из библиотеки, все подряд. То Дюма, то Барбару Кингсолвер, то Орсона Скотта Карда. Я читала самые разные книги: романтические, исторические, фантастику, детективы, – в конце концов я устала от всего этого хаоса и стала заказывать конкретные произведения конкретных авторов. Он приносил мои заказы, но ворчал: из-за них он терял кучу времени, а библиотекаряш смотрела на него с подозрением. А потом я этими книгами все испортила. Отлично помню день, который перечеркнул полгода моей жизни. Я как-то раз подумала, что все книги, которые я читаю, потом попадают в руки кому-то еще, и мне пришло в голову оставить внутри послание. Ну конечно! Это же так просто! Это была моя единственная связь с внешним миром. Я выбрала книгу Курбана Саида под названием «Али и Нино», она о любви и о войне, увлекательная, но и трагическая, я прочла ее три раза подряд, не отрываясь. Я подумала, что ее наверняка возьмет какой-то особенный человек и он наверняка поймет, что мое послание не шутка. Я открыла книгу и написала четыре строчки, объяснила, кто я такая, и попросила помощи. На следующий день он распахнул дверь и швырнул книгу мне в лицо. Он был в ярости. «Ты меня за идиота держишь?» – орал он, обезумев от гнева. Бил меня, пока не устала рука, а потом ушел и бросил меня в темноте. Я сидела три дня одна, без еды, без света, избитая, уничтоженная, без музыки, без «Друзей». Забытая в этой дыре. В тот раз я подумала, что он бросил меня умирать. Но на четвертый день он пришел, сел на кровать и признался, что ему тяжело держать меня здесь, надзирать за мной, ни на секунду не спуская с меня глаз. Сказал, что он не тюремщик, что устал меня контролировать. Что, если я буду его слушаться, всем будет проще. Я согласилась. Мне хотелось жить, и у меня не было выбора.

Хоть я и вела себя хорошо, он оставил меня без книг на следующие полгода. Это были самые долгие и самые печальные месяцы. Я выучила урок и с тех пор ни разу не ослушалась. До сегодняшнего дня. Каждый день я предвкушала его приход и пакеты с одеждой и едой. Я старалась поддерживать порядок в комнате и принимала душ каждое утро, чтобы он не морщился недовольно, переступая порог моей тюрьмы. Я не хотела ни причинять ему боль, ни внушать сочувствие. Меня успокаивала его улыбка. Видеть и слышать его, касаться его – все это приносило мне покой. Это же не так сложно, детка. И может, он был прав. Ничто не срав-

нится с покоем такой жизни – когда ничего не ждешь от будущего, наслаждаешься отдельными моментами, без стресса, без обязанностей, без желаний и без вины. В вечном заключении.

Такой была моя жизнь еще несколько минут назад, я давно с ней смирилась. А теперь поняла, что все это время себя обманывала, что во всем этом не было никакого смысла.

Я не могу отвести глаз от экрана. Я знаю, что, если бы на нем появилась полоска, все могло бы быть иначе. Но полоски нет.

Мои желания толкают меня в пропасть.

4. Сальвадор Лосано

Сальвадор Лосано заходит к себе в кабинет. Во рту у него неприятный привкус. Первым делом он скидывает пиджак и галстук, потом закатывает рукава рубашки. На столе его ждут коробки, набитые бумагами. Их столько, что он начинает сочувствовать Тони Суреде. И тут же сам себя поправляет: нет, он не сочувствует, он завидует. В конце концов, у Суреды есть главное, чего не хватило ему самому: время. Масса времени, сколько угодно. Ему хватит времени на все. Он сможет изучить все документы вдоль и поперек, раскроет все дела, брошенные на полпути, и дамоклов меч скорой пенсии не будет нависать над ним. Время Тони Суреды только начинается, ему не придется жить в постоянной тревоге от этого обратного отсчета.

Посещение сеньоры Молины утвердило его в мысли, что он состарился. Проработав почти сорок пять лет, он устал и готов уступить свой пост молодому парню, преисполненному энтузиазма, не формалисту. Лосано улыбается и смотрит на часы. Да уж, совсем не формалисту. Его все нет, а они ведь договаривались на двенадцать. Небось полночи отмечал с друзьями свое назначение. Наверняка выпил немало, а потом занимался любовью со своей девушкой, молоденькой блондинкой. Интересно, она красит волосы? Непонятно: фотографии обманчивы, и потом, Суреда показывал их ему в жуткой спешке. Она преподает математику в старших классах, с гордостью сказал он. Они не женаты, но уже два года живут вместе, купили тридцатипятиметровую квартирку в Равале⁵. Лосано представляет, как они на кухне варят макароны, прижавшись друг к другу, – потому что в такой тесноте не разойтись. Они наверняка очень влюблены, хотят рука об руку шагать в будущее, которое то и дело открывает перед ними разные двери... Полны энтузиазма.

Кажется, и сам он только что был таким же пареньком. Рвался раскрыть все дела, ни перед чем не останавливался. Его история так похожа на тысячи других. Полицейский из Касереса, приехал в Барселону в конце семидесятых без гроша в кармане. Он даже не знал, что в Каталонии⁶ говорят по-каталански. Вообще ничего не знал, да в этом и не было необходимости: он был уверен, что всему научится. Так и вышло. Он впахивал изо всех сил, женился на каталонке из Сабаделя, которая работала на почте, а на Рождество готовила эскуделью⁷. Он не хотел всю жизнь довольствоваться крошечным жалованьем рядового агента, поэтому занимался по ночам, добился повышения, попал в Моссос д'Эскадра⁸, а там дослужился до сержанта и субинспектора. Ему ничего в жизни не доставалось даром, с гордостью говорит он сам себе. Дети его стали настоящими каталонцами. У младшей своя парикмахерская в Ospitalete, и она уже сделала его дедом. Старший закончил юридический и вместе с друзьями открыл адвокатскую контору в районе Лес-Кортс. У Лосано над столом висят фотографии семьи, он гордится ими. У него особенная слабость к старшему, к Сантьяго, потому что тот окончил университет и мог бы сойти за паренька из Энсанче. За такого, как Молина.

Открывается дверь, и входит Суреда в темной футболке, джинсах и модных кроссовках. А еще на нем солнечные очки. Может, увидел такие в каком-нибудь детективном сериале и решил, что они придают стиля. А может, просто пытается скрыть следы вчерашней попойки.

⁵ Раваль – район в центре Барселоны.

⁶ Испания – унитарное государство, она делится на 17 автономных областей. В книге действие происходит в основном в двух из них: в Каталонии (ее столица – Барселона, там живет семья Барбары) и в Стране Басков (там живут Иньяки Сулоага и Элисабет Солис). В каждой из этих областей, помимо испанского, говорят на своем языке, в Каталонии на каталанском, а в Стране Басков – на баскском. Сальвадор Лосано приехал в Барселону (Каталония) из Касереса (Эстремадура). Автономные области делятся на провинции, провинции – на комарки, а комарки – на муниципалитеты.

⁷ Эскуделья-де-надаля (рождественский суп) – особая праздничная версия традиционного каталонского мясного супа эскуделья. В эскуделья-де-надаля кладут четыре разных вида мяса, пилоту – крупную мясную фрикадельку, несколько видов овощей и крупные макароны в форме улиток.

⁸ Каталонская полиция.

– Как дела? – вежливо спрашивает Лосано.

Парень без спешки усаживается и зеваает.

– Прошу прощения, – извиняется он, – мало спал, мне нужен кофе.

Сальвадор Лосано доволен собой. Он был прав, паренек глаз не сомкнул. Когда сорок лет строишь гипотезы относительно человеческого поведения, это становится профдеформацией.

Слегка заторможенный Суредра отправляется за кофе для них обоих, а Лосано решает еще разок пробежаться по делу Барбары – самому больному, он его специально оставил напоследок. Иногда в ходе долгих размышлений он представляет себе ее тело на свалке или в глубинах канализации, а то и расчлененным – в нескольких чемоданах, брошенных на пляже.

Лосано смотрит, как паренек понемногу отхлебывает кофе. Обжигает язык, пока что не загрубевший, шумно вздыхает и стискивает зубы, как ребенок. По тому, как Суредра сжимает ручку, Лосано догадывается, что тот мечтает о сигарете, но сдерживается. Вдруг Суредра указывает на папку.

– Барбара Молина! – восклицает он. – А я думал, это дело закрыто.

Сальвадор Лосано отвечает не сразу. Оно не будет закрыто, пока мы его не распутаем. И как же бесит, что мы всё никак не можем его распутать.

– Ты еще поймешь: незакрытое дело – как незатянувшаяся рана, – веско говорит он.

Лосано старается, чтобы каждая его фраза была наполнена мудростью – той, которую не приложишь к делу в папочке, той, которой учишься на улице, в полевых условиях, разговаривая с людьми, выслушивая их страдания, разделяя их боль, принося соболезнования на похоронах.

– Ты наверняка помнишь ее. Пропала девочка, ей было всего пятнадцать.

Суредра кивает.

– Я поддерживаю контакт с родителями, особенно с отцом, у него-то голова на месте. Поначалу казалось, что это плевое дело. Пятнадцатилетняя девчонка сбегает из дома, оставляет записку, пишет, уезжая далеко, не ищите, забирает с собой мамину кредитку. Несколько дней спустя ее след обнаруживается в Бильбао, где живут ее дядя с тетей. И естественно, находят свидетели, которые подтверждают, что она приехала к дяде с тетей, но тех не было дома: уехали в отпуск. И тут вдруг все переворачивается с ног на голову. Пока баскская полиция и ее собственный отец разыскивают ее в Бильбао, Барбара среди ночи звонит домой из телефона-автомата в Лериде. Она в отчаянии. В телефонной кабине обнаружены неоспоримые признаки насилия: кровь жертвы и брошенная сумка. Один из свидетелей показал, что видел, как молодую девушку куда-то тащит мужчина. Но была ночь, стоял туман, и он не смог припомнить никаких подробностей. В этот момент дело приобрело трагический оттенок, по очереди объявились два подозреваемых и многочисленные улики против каждого из них. Мы пахали будь здоров, обыскивали все, прочесывали пустыри и свалки, всю Каталонию на уши поставили. Кучу времени и сил потратили, но так ничего определенного и не нашли. В итоге подозреваемых пришлось отпустить за недостатком улик, а судья прекратил разбирательство. Больше ничего выяснить не удалось.

Тони Суредра вытягивает руки, демонстрируя мускулы. Ходит в тренажерку каждый день, прикидывает Лосано, по паре часов минимум, и в солярий заглядывает. И волосы небось удаляет на груди и на ногах. Такие вещи удивляют Лосано. Недавно они пили кофе в баре, и Суредра сказал, что, прежде чем стать полицейским, он торговал петардами, а потом работал фитнес-инструктором.

– Конечно, я помню Барбару, – торопливо отвечает паренек. – Помню ее фотографии на улицах, демонстрации, выступления ее отца, помню, как все вновь и вновь бросались на поиски, стоило кому-то позвонить и направить нас на ложный след. Подозреваемых было двое: студент из хорошей семьи и учитель, верно?

– Точно. Мартин Боррас и Хесус Лопес.

– И что про них удалось выяснить? – заинтересованно спрашивает без пяти минут субинспектор.

С одной стороны, Лосано рад, что Суреда тоже заинтересовался делом Барбары. С другой – немного раздражен. Ничего нет хуже незрелых суждений. Да еще все эти желтые газетки сильно навредили расследованию. Лосано продолжал следить за подозреваемыми. Он был убежден, что рано или поздно преступник совершит ошибку и выдаст себя. В университетские годы он читал по ночам «Преступление и наказание» и твердо знал, что каждого убийцу гложет желание предъявить свое преступление миру, за эту-то ниточку и нужно тянуть. Но то ли ему недоставало смекалки, то ли подозреваемые были чересчур хитры. С другой стороны, нет ведь и состава преступления, нет тела, которое могло бы прояснить ситуацию, нет даже места преступления, на которое можно было бы вернуться. Туман, окутавший Лериду той ночью, за эти годы лишь сгустился. И если раньше Лосано верил, что ветер разгонит мглу, то теперь он вынужден признать: следы стерлись окончательно. Ему так и не удалось доказать, что подозреваемые имеют отношение к исчезновению Барбары.

Лосано достает досье обоих. Он их регулярно дополнял. Протягивает Суредке и начинает рассказывать по памяти.

– Мартину Боррасу сейчас двадцать шесть лет. Живет с родителями, отец – кардиохирург, мать – владелица айти-компании. Семья владеет квартирой на улице Парис площадью двести тридцать квадратных метров. У него были три долгосрочные девушки и несчетное количество разовых развлечений на выходных. Ни одна девушка не продержалась дольше четырех месяцев. Постоянство не входит в число его добродетелей. Университет он тоже не окончил. Вот тут его оценки за второй курс бизнес-школы Esade. Кошмар. Потом, видимо, рассорился с родителями и добился своего. Бросил учебу, и дедушка нанял его к себе на работу: делать ничего не надо, а условия – будь здоров! Должность – финансовый контролер, компания продает инструменты, зарплата – две триста в месяц, плюс машина, телефон, да еще и обеды оплачивают. На работу ходит через раз, зато зарплату получает каждый месяц. Так родственники решили замаскировать его тупость. Денег у него куча, и он их тратит направо и налево. Сейчас у него тюнингованный «Сеат Ибица», на котором он ездит в родительский дом в Росас⁹ – устроил там себе дом свиданий. Наведывается туда часто, почти каждую неделю. Сейчас только он один из всей семьи туда и ездит. Водит как попало, у него уже шесть баллов вычи за превышение скорости¹⁰. Тот еще транжира, покупает одежду, всякую чушь, дорогие подарки, ужинает в хороших ресторанах, платит за друзей в барах и позволяет себе любые капризы. К девятнадцатому числу каждого месяца деньги кончаются, и тогда он залезает в кредит. Восемь месяцев назад устроил скандал на дискотеке в Пуэрто-Олимпико. Был пьяный, возможно под кокаином, врезал парню, который хотел потанцевать с его девушкой. Я узнал слишком поздно, когда адвокат семейки уже вытащил его из участка и скандал замяли. Его родители очень осторожны, научились тут же заматывать под ковер весь бардак, который устраивает их сынуля.

Тони Суреда подбирается, берет досье, начинает листать.

– Когда Боррас купил машину? – спрашивает он вдруг.

– Когда стал работать у деда, два с половиной года назад, – быстро отвечает Лосано. Ему приятно, что Суреда заинтересовался.

– Вам удалось поговорить с какой-нибудь из его девушек?

Лосано чешет в затылке, припоминает.

⁹ Росас – муниципалитет в Каталонии, находится в 130 километрах от Барселоны.

¹⁰ В Испании каждый новый водитель вместе с правами получает виртуальные баллы: изначально у каждого их восемь, за нарушения правил баллы вычитают, а за вождение без аварий и нарушений – начисляют дополнительные. Если у водителя не остается баллов, он теряет право водить машину, но может вернуть его, если заработает баллы снова.

– Я позвал первую из них, Лауру Бускетс, на ужин в «Каль Пинчо» в Барселонете. Налил ей белого вина, и она без экивоков рассказала, что у нее было с Мартином. Так прямо всё и выложила, без купюр. Только секс, ничего больше, но с огоньком.

– Сколько она ему поставила? – спрашивает Суреда с коварной улыбочкой.

– Четверку с плюсом. – Лосано включается в игру. – Но в остальном ничего интересного. Не бил ее, не принуждал, не насиловал. Возил ее в Росас на мотоцикле, там они и развлекались. Она не была ни первой, ни единственной и знала об этом.

– Ловкий парень, – вздыхает Суреда, возможно, вспоминая старые времена и бытность свою фитнес-инструктором.

Будущий субинспектор не задает больше вопросов, так что Лосано достает досье второго подозреваемого. Ему даже заглядывать туда не требуется, он все помнит наизусть.

– Хесус Лопес, тридцать девять лет, ему в жизни везло меньше, чем Мартину Боррасу. Семь лет проработал учителем истории у Барбары в школе, уволен одним днем, когда поднялась суматоха, сразу после исчезновения. Не знаю, помнишь ли ты, на него чуть не завели дело за неподобающие отношения с ученицами, но никто не стал на него заявлять. Жена, правда, все равно подала на развод и три года с большим скрипом пускала его к ребенку. В итоге живет теперь с собакой в занюханной студии возле рынка Сан-Антонио, репетиторствует за копейки, подрабатывает в школах учителем на замену, наблюдается у психиатра. Но ведь пить таблетки и сидеть по выходным перед телевизором в квартирке с повышенной влажностью и плесенью – это не преступление.

Суреда хмурится, зажав в руке оба досье.

– Они все еще под наблюдением? – спрашивает он.

Лосано вздыхает.

– Денег на это давным-давно не выделяют. Я сам продолжал наблюдение и вносил данные в их досье. Я был уверен, что рано или поздно кто-то из них проколется и я наконец его поймаю, поэтому и продолжал следить за ними, осторожно, по выходным.

Тони Суреда не произносит ни слова, но Лосано догадывается, что тот не станет тратить время на неоплачиваемую слежку за подозреваемыми. Он чересчур занят своей математикой, фитнесом и солярием. В его возрасте Лосано и сам, возможно, не стал бы этим заниматься.

– А вы что думаете? – спрашивает вдруг Суреда, вопросительно глядя на него.

– Что думаю я? – повторяет Лосано, чтобы выиграть время, слегка сбитый с толку откровенностью паренька.

– Какие аргументы за и против каждого из них? Почему вы считаете, что убийца – один из них? Почему вы так в этом уверены? Вы стреляный воробей, старый солдат, но я не понимаю, почему, по-вашему, убийца в конце концов обязательно проколется.

Лосано колеблется, чешет в затылке, размышляет. Он не может обижаться на слово «старый», так оно и есть. Хотя, по правде говоря, нет особой чести в том, чтобы называться «стреляным воробьем» и «старым солдатом». Выражения эти подразумевают опыт, это да, хороший нюх, но в них нет блеска. Они подчеркивают не заслуги, а лишь прожитые годы. Он пытается отвлечься от этой фразы и объяснить Суреде, что заставило его совать нос в чужие дела не на работе, а в свободное время.

– Мартин Боррас – агрессивный эгоист, – бросает Лосано без обиняков. – Привык получать все, что пожелает. Единственный сын, ужасно избалованный, в семье куча денег и прислуги, которой он отравлял жизнь. Мир для Борраса – как поднос с пирожными, которые ждут его не дождутся. Ну и конечно, он убежден, что все должны ему угодить. Он много пьет, нюхал кокаин, ходил к психиатру. Врет, ведет двойную жизнь за спиной у родителей, которые ни в чем ему не отказывают. Все это дело обычное для детишек из богатых семей, но, к несчастью, есть одно отягчающее обстоятельство, из-за которого я заподозрил его. Барбара отказа-

лась спать с ним, а в качестве отвергнутого любовника Мартин Боррас – это бомба отложенного действия.

Суреда лихорадочно все записывает, строчит как стенографистка. Наконец он поднимает глаза и задает последний вопрос:

– Если бы вас попросили выбрать два прилагательных, чтобы описать и определить это преступление, какие вы бы выбрали?

– Жестокое и импульсивное, – тут же отвечает Лосано. Его радует энтузиазм Суреды.

– А что этот учитель? – спрашивает парень без перехода.

Лосано вскидывает голову.

– Должен признаться, он всегда был для меня кандидатом номер один. Этот тип – настоящая головоломка, лабиринт, все сведения о нем обманчивы. На первый взгляд – уважаемый человек, культурный, образованный, с изысканным вкусом, и жена при нем, и ребенок, и работа, и ипотека. Работает не жалея себя, имеет принципы. Но все это лишь фасад. А за ним – тайный педофил, трус, который не отваживается выйти за пределы мнимой добропорядочности. Он играл с девочками-подростками, искал их восхищения, а может, и чего-то еще, в чем боялся признаться даже себе самому. Я по определению не доверяю трусам и лжецам. Хесус Лопес – и то и другое, да еще у него наклонности насильника.

Он произнес эти слова со злостью и отвращением, не сумел отринуть своих чувств, открыто проявил презрение. Суреда спросил о его личных, субъективных впечатлениях – и получил их. Лосано удивляет равнодушие преемника. Парень сует ручку в рот, будто сигарету, и выдает:

– А я бы поставил на Мартина Борраса.

Суреда говорит спокойно, без желания поспорить.

– Но почему? – спрашивает Лосано. Он заинтригован.

– Он молод и незрел. – Суреда поднимает взгляд и смотрит на него с обезоруживающей искренностью. – Молодые больше ошибаются, нам всегда есть в чем себя упрекнуть.

Лосано молчит. Его молодость прошла давным-давно, он уже и не помнит, как думал и чувствовал тогда.

– Есть хочу! – внезапно говорит Суреда и вскакивает.

– Хорошо, давай оставим дела здесь и пойдем поедим, – предлагает Лосано, взглянув на часы. Он ценит распорядок, привычки, обедает он в два часа. Но Суреда извиняется: он договорился пообедать с друзьями из академии.

– Простите, вынужден вас оставить, – бормочет, кладя обе папки на стол. – Но после обеда у меня будет куча времени, чтобы заняться делом Барбары, – добавляет он.

Интерес, всецело владевший им лишь несколько секунд назад, внезапно испаряется, уступив место желанию умять тарелку пасты и отбивную. Да, Суреда прав, импульсивность – главный недруг юности.

Лосано остается один. Он знает: Суреда во время обеда ни на секунду не вспомнит ни о девушке, ни о ее семье, ни о подозреваемых. У Лосано большой опыт, и он подсказывает ему: закрыв дверь, Суреда улыбнется секретарше, похлопает по плечу Себастьяна. Может, перекинется с ним парой фраз насчет матча «Барсы» в воскресенье, попереживает, выиграет ли «Барса» Лигу чемпионов. Но о Барбаре Молине он думать не станет.

Лосано всегда обедает в одном и том же баре. Его купили китайцы, но по-прежнему готовят по средам гаспачо¹¹, а по четвергам – паэлью¹². Поначалу Лосано огорчился было, что бар перешел к иностранцам, но теперь уже шутит с Лю Шин и посмеивается над тем, как он

¹¹ Гаспачо – холодный томатный суп, традиционное испанское блюдо.

¹² Паэлья – традиционное испанское блюдо родом из Валенсии: рис с мясом, курицей или морепродуктами, овощами и шафраном.

накрывает на стол. В конце концов он пришел к выводу, что от этих перемен только выиграл: новые хозяева не повышают цен и не лезут не в свои дела. С годами Лосано стал недоверчив. Раньше во время обеда он молот языком без передышки, а теперь ест в одиночестве, читает «Марку»¹³ и одним глазом поглядывает в телевизор. Хотя это и больно немного, но таким образом он постепенно отмежевывается от мира, и будет не так тяжело окончательно с ним порвать.

Кто знает, сможет ли Суред, молодой и порывистый, раскрыть дело Барбары Молины. И Лосано спрашивает себя, что за ошибки совершал Суред.

¹³ «Марка» – спортивная газета.

5. Барбара Молина

Сегодня я не открыла ни один учебник, не разогрела себе еду. Просто сидела часами с телефоном, пялясь в маленький экранчик, надеясь увидеть заветную полоску. Я отчаянно хочу выйти отсюда, и наконец-то ключ у меня в руках, но это непросто. Я оббежала все углы в поисках сети. Я знаю, где-то здесь точно ловит. Однажды, когда он был здесь, телефон зазвонил, но я не помню точно, где это было. И я мечусь по комнате, то поднимаю телефон, то опускаю, трясую его, замираю, тащу вдоль стены, в угол, в тысячный раз черчу диагонали. Внезапно перед глазами у меня плывет туман, ноги подгибаются, и приходится сесть на пол.

Я умираю от страха. А что, если я ошибаюсь? Сейчас я здесь, потому что однажды уже попыталась позвонить по телефону и очень в этом раскаиваюсь. Это было в Лериде. Мы оставались, чтобы найти открытый бар и позавтракать. Было очень рано, он забыл кошелек в машине и пошел за ним. «Подожди меня, я быстро», – сказал он, но стоило ему немного отойти, как я сбежала. Телефона у меня не было, он отобрал, так что я стала искать телефонную будку. Бежала, ошалев, на бегу перетряхивая кошелек, монеты падали и рассыпались, а я все бежала и бежала как безумная. Будка оказалась через две улицы. Только пусть телефон работает, повторяла я про себя, пожалуйста, пусть работает. Я вся была как комок нервов, пока трясушейся рукой набирала номер. Подошла мама, но у нее началась истерика, она не дала мне сказать ни слова.

– Где ты? – кричала она. – Во что ты впуталась? Полиция и папа тебя ищут!

И ровно в эту секунду я увидела, как он в ярости приближается ко мне, и только и смогла, что выкрикнуть:

– Пожалуйста, помоги мне!

И больше ничего: монета застряла, а я в ужасе скорчилась в углу будки, ожидая наказания.

Он ударил меня – раз, другой, третий, он не останавливался, моя голова билась о стекло будки, и с каждым ударом ярость его усиливалась.

– Что ты им сказала? – задыхаясь, кричал он. – Кому ты звонила?

Трубка болталась на проводе, качалась, как маятник, из носа у меня капала кровь, заливая будку, одежду, сумку.

– Хватит! Не надо! – всхлипывала я, пытаюсь закрыть лицо руками.

Он схватил меня под руку и вытащил наружу. Уже на улице он сунул мне платок, чтобы остановить кровь, и потащил меня за собой, как собаку.

Никто из нас не заметил, что моя сумка так и осталась валяться на полу будки. По пути нам не встретилось ни души. В такой час на улицах Лериды никого нет, все спят. Если бы хоть кто-нибудь попался нам на пути, я бы бросилась к нему, моля о помощи. Но из-за раннего часа и тумана мы остались наедине, без свидетелей, и пути назад уже не было.

– Вот дерьмо! – выкрикнул он уже в машине, обнаружив, что моя сумка осталась там. – Ну что ты за идиотка!

Снова звонить домой мне нельзя. Я не хочу звонить маме: она не смогла тогда ничего сделать, не помешала ему запереть меня в этой дыре. Но других номеров я наизусть не помню. Разве что Эвин домашний, да и все. Внезапно, будто глоток свежего воздуха из прошлого, из счастливых моментов нашего детства, ко мне возвращается образ Эвы. Эва. Моя лучшая подруга. Она была моей лучшей подругой – по крайней мере, до тех пор, как произошло то, что произошло. Я не держу на нее зла и забыла все наши разногласия.

В отчаянии я забрасываю телефон подальше, словно он жжет мне ладони, и закрываю глаза. Открыв, в ужас смотрю на телефон на полу: а что, если я его разбила? Как можно быть такой тупой? Я подползаю к нему на четвереньках, как собака, снова беру его в руки – и

задыхаюсь. Полосочка! Я замираю и смотрю на нее, будто это мираж. Он поймал сеть. Ловит еле-еле, но ловит! Я не решаюсь пошевелить рукой: вдруг связь пропадет. Что делать? Звонить? А вдруг он сейчас вернется? А вдруг он оставил телефон специально, чтобы проверить меня? Я ведь могу потерять то небольшое, что у меня есть. Все воспоминания, запертые в дальнем углу памяти, вдруг вырываются и предательски набрасываются на меня, словно злобные призраки. Я сижу в ступоре с телефоном в руках, не в силах решиться, замороженно глядя на заветную полоску – это моя связь с миром. Полоска мигает – и дает надежду, и отнимает ее вновь. Кому же позвонить?

Я снова думаю об Эве. Ее номер единственный, который я помню, она моя далекая надежда. Мне не придется ни встречаться с семьей, ни давать показания в полиции. Я убегу одна, уеду куда-нибудь, где меня никто не знает. Эва меня не выдаст, она настоящий друг и поможет мне. Я хотела бы рассказать ей, где нахожусь, поплакать у нее на плече, попросить, чтобы она вытащила меня отсюда и увезла далеко-далеко. Но я замираю. Однажды – всего лишь однажды! – он сказал мне: «Если убежишь, я убью всю семью». Способен ли он на такое? Может, и да. Он сумасшедший. Опасный сумасшедший. А может, и нет, может, он единственный человек в мире, способный любить меня. Кто еще принял бы меня такой, какая я есть? Он знает меня, знает, кто я такая на самом деле. Я не знаю, как быть. Он принес мне все, что я заказала. Принес воду и одежду, как делал всегда в последние четыре года. Лишь раз он нарушил распорядок.

Однажды, чуть больше года назад, он привез с собой сумку и объявил, что осталась всего неделя до моего восемнадцатого дня рождения. Он принес мне сюрприз: летнее платье без рукавов с черными и фиолетовыми цветами и бантом на спине. Завязки под грудью показались мне странными, но он сказал, что так сейчас модно и чтобы я его надела, это точно мой размер. Когда он улыбался и смотрел на меня с нежностью, внутри у меня щекоталось что-то похожее на счастье. Я знала, что, если я ничего не испорчу, все пойдет как по маслу, так что была очень послушна. Он пригласил меня наверх, в дом, поужинать с ним, сидя за столом. Он разрешил мне сходить в ванную и посмотреть на себя в зеркало, открыть все ящики из каждого ящика, долго-долго валяться в ванне и смотреть телевизор. Однажды вечером он позволил мне выйти на улицу. Мы шли в темноте по пустым дорогам, слушали цикад, глядели на небо, усыпанное звездами. Он крепко держал меня за руку, но мне и не хотелось сбегать. В ту неделю я вдыхала запах разогретой солнцем хвои, ходила по земле босиком, ощущала на волосах дыхание южного ветра.

А кому-то, говорила я себе, и этих крошек счастья не перепало. Я чувствовала, как мне повезло. Я была ему благодарна. Раньше я не понимала, как ценны прогулки по лесу, как вкусен горячий воздух летним вечером, как прекрасно принять ванну или сесть за стол и съесть торт. Когда все это к твоим услугам, не ценишь. И все же, несмотря на это относительное счастье, мне не терпелось увидеть солнце. Я три года не видела солнца, лишь угадывала его сквозь щели и трещины. Я умоляла, плакала и клялась, что не буду убегать, твердила, что мне нужно снова почувствовать на коже солнечный свет. В конце концов он согласился. Однажды ранним утром открыл дверь, посадил меня в машину, выдал шляпу и темные очки и сказал: «Поехали!» Это были секунды, мгновения. Я смотрела, как солнце выходит из-за гор, оно лизало мне руки, касалось моего лица. Я закричала от радости и закрыла глаза, чтобы наполниться его светом и силой. Тот жар остался со мной на недели, на месяцы. Если б только я могла еще раз увидеть солнце, как увидела тем сияющим утром. Если б я могла поговорить с Эвой – хотя бы раз. Если б могла слышать, как она смеется, как кричит: «Ой, я сейчас описаюсь, описаюсь сейчас от смеха!» Вот и все. Глоток свежего воздуха, солнечный луч – мне бы этого хватило.

Я решительно протягиваю руку и, не сдвигая телефон с места, набираю номер Эвы. Пожалуйста, пусть только она будет дома, пусть возьмет трубку, молю я, сама не зная, вслух или про себя. И вдруг раздается голос:

– Алло! Алло! Слушаю.

Это Эва. Эва? Эва!

– Эва! Это я, Барбара, – кричу я. – Это я! Помоги мне!

– Барбара? – Эва напугана. – Барбара? Ты где?

Я больше не могу сдерживаться, хватаю телефон с пола, машинально прижимаю к уху.

– Вытащи меня отсюда!

Но по ту сторону трубки больше ничего не слышно. Нет, быть этого не может! Полосочка исчезла. Связь оборвалась.

Я пытаюсь вернуть телефон на место, но нет, больше не ловит. Я пытаюсь снова и снова, задыхаюсь, руки трясутся, хочется плакать. И зачем это все было нужно? Я не смогла рассказать, где я, не попросила помощи. И что теперь? Я представляю, как он открывает дверь, в широко открытых глазах – угроза. Они как две расселины в скалах, они полны ненависти, они всё видят, всё знают, они строго судят меня за любой проступок. Может, он уже знает. Тогда он убьет меня.

И я понимаю, что совершила ошибку, открыла ящик Пандоры.

6. Эва Карраско

Эва стоит ошеломленная с телефоном в руке и не знает, как быть. Она слышала голос Барбары. Голос так и сказал: «Это Барбара». Но этого не может быть, ей почудилось. Барбара умерла четыре года назад. И все-таки это точно была она. Эва узнала ее голос, интонации, дыхание. «Эва?» Барбара ничего не успела сказать, только крикнула: «Помоги мне!» – и связь тут же прервалась, телефон умолк. Эва отключилась, надеясь, что Барбара перезвонит, но нет. Эва решает проверить в списке входящих, был ли звонок или она его придумала. Да, звонок был, две минуты назад, даже номер остался – это мобильный. Она записывает его и звонит, но там автоответчик: «Телефон выключен или находится вне зоны действия сети». Эва садится и думает. Точнее, пытается подумать, но голова идет кругом, мысли роятся, она не может сосредоточиться. Только что ей позвонила Барбара – но она ведь мертва! Видимо, ей нужно снова переместить Барбару в мир живых, и это непросто. Ее отец, полиция, друзья, семья – все считают, что она мертва. Только ее мать все ждет, что она вернется, – она одна в это верит, потому и сошла с ума.

Сейчас Барбаре было бы девятнадцать, как и самой Эве. Но если она жива – где же она может быть? Какой помощи хочет? Почему исчезла? Почему не вернулась? Почему ничего не сказала? Зачем сделала так больно семье и друзьям?

Эва смотрит на часы. Три – а в пять у нее английский. Она как раз делала домашнюю работу, осталось два упражнения. Она крутится на стуле, не зная, как быть. Она совсем одна, ей трудно принять решение.

Барбара была напугана, кричала. Это очень важный звонок, возможно, он сыграет решающую роль в расследовании. Эва пытается собраться с мыслями, вспомнить все подробности исчезновения. Последнее, что сделала Барбара, – позвонила матери, а потом полиция обнаружила в телефонной будке кровь, а на полу ее сумку – и больше ничего про Барбару не известно. У Эвы мурашки по коже от этих воспоминаний, она боится крови. В школе говорили, что Барбару наверняка разрезали на куски. Эрнандес, эта сволочь, притащил жуткую фотографию с расчлененкой, а ей потом из-за него долго снились кошмары. Барбара без руки, без ноги, вся в крови, приходила и говорила ей: «Ты же хотела, чтобы я исчезла? Вот и вышло по-твоему». Она просыпалась от собственного крика, вся в холодном поту. А потом еще тот полицейский стал лезть в ее жизнь и почти обо всем догадался.

Он задавал ей очень неприятные вопросы, подкапывался, как будто это она убила Барбару, вонзила ей в спину нож.

– Вы же поссорились, да? – спросил он однажды вечером, безо всяких предисловий. Это был второй или третий день допроса. Ей пришлось ответить, что да, поссорились, но она ничего не сделала Барбаре.

Полицейский вел себя с ней очень недружелюбно. Не сказал ничего вроде «Мне очень жаль, она же была твоей лучшей подругой, какой кошмар, тебе же теперь всю жизнь с этим жить». Вместо этого он дал ей понять, что она соучастница преступления, а если будет молчать, станет преступницей. Сальвадор Лосано его звали, мрачный такой. Она тысячу раз ему повторила, что они с Барбарой были лучшими подругами, но он уперся и все-таки задал этот вопрос – и попал в самую точку.

– Это из-за Мартина Борраса, да?

Кто же ее сдал? Наверное, Кармен, да, точно Кармен, придушить бы ее. Вот идиотка! Хотела, чтобы ее в тюрьму посадили?

Потому что, если они станут разнюхивать, какие у нее были мотивы избавиться от Барбары – вот он, идеальный мотив! Да. Она хотела, чтобы Барбара исчезла и оставила Мартина в покое. Потому что Барбара, ее лучшая подруга, стала встречаться с парнем, который нра-

вился ей самой. Она знала, что Мартин нравится Эве, и все равно стала с ним встречаться – а может, как раз поэтому. У Эвы до сих пор все внутри переворачивается, когда она об этом вспоминает. Это было безумное, смутное время, Эва была сама не своя, по ночам залезала под подушку и желала, чтобы Барбара исчезла, провалилась сквозь землю. Ее молчаливое желание сбылось, но никогда и никому она не расскажет, что таково было ее желание. Никто никогда не узнает, что она желала исчезновения Барбары. Как никто никогда не узнает, что в итоге она все-таки переспала с Мартином Боррасом. Эва дрожит. Это была ошибка. Как маленькая заноза, которую она хотела вытащить и которая лишь растравила ее рану. От той ночи у нее остался неприятный привкус во рту и ощущение, что она была не в том месте не с тем человеком. Это была глупость, нелепая выходка обиженной девчонки. Мартин Боррас был ее первой любовью, а Барбара забрала его себе. Это было первое поражение Эвы в делах любовных. И вместо того чтобы плюнуть и растереть, она поссорилась с лучшей подругой, пожелала в запальчивости, чтобы та исчезла с лица земли, а когда ее темное желание исполнилось, запятнала память Барбары, связавшись с Боррасом, чтобы отомстить ей. Это была плохая идея, но он застал ее врасплох, и она не смогла собраться и сказать «нет». Он склеил ее просто ради развлечения, она много думала об этом с тех пор и уверена, что дело было именно так. Он хотел заткнуть ей рот, соблазнить ее – и дело с концом. Так он и сделал, а она просто рухнула ему в объятия как идиотка. Ее начинает тошнить, когда она вспоминает вонь в его роскошном доме в Росасе, там пахло как в помойке. Внезапные вспышки воспоминаний. Ярко-красная комната Мартина, вместо украшений – автомобильные фары, на полу – надувной матрас, который Мартин спер у отца. Играет Duffy, во рту вкус алкоголя, притворные нежности. А она влюблена по уши в этого мерзавца, глотает каждое его приторное обещание, уверенная, что и он сходит по ней с ума. Как же она могла быть настолько слепа? «Не думай, что я сделал что-то Барбаре...» Она помнит, что в какой-то момент ей стало страшно, она подумала, что Мартин и правда мог иметь какое-то отношение к исчезновению ее подруги. Несколько секунд она представляла себе, как погибает, истекая кровью. Может быть, именно эта перемена в ее настроении – может, губы слегка задрожали, а может, сморгнула нервно – именно эта перемена разрушила чары и повлекла за собой тот неприятный инцидент с погребом. Мартин сразу же попытался загладить вину, исправить впечатление, но взаимное недоверие уже поселилось в сердцах обоих. А потом она предала пропавшую подругу: уже в машине, по пути обратно, Мартин принялся ругать Барбару, назвал ее шлюхой и динамо и вырвал у Эвы обещание не упоминать его имя в разговорах со следователем. Она согласилась – и тем самым стала гораздо хуже Барбары.

Вообще-то Сальвадор Лосано заслуживал, чтобы его обманули: он обращался с ней так, будто ее уже признали виновной. Хотел знать, не ссорилась ли она с Барбарой, были ли у них какие-нибудь старые счеты и обиды. Эва ответила, что да, они поссорились, но не из-за Мартина Борраса, а из-за Хесуса, учителя истории.

– Из-за чего? Почему? – Лосано так и подскочил на месте.

Бинго, подумала она и выложила ему полный список всех промахов Хесуса (она вела подробный учет в течение всего учебного года и злорадно хранила его, ничего не забывая). Она рассказала, что Барбаре нравился Хесус (это была чистая правда), что она кокетничала с ним (тоже правда), что Хесус заигрывал с Барбарой то ли в шутку, то ли всерьез (абсолютная правда) и что иногда Хесус с Барбарой тайком оставались наедине (вроде бы тоже правда, однако известная ей лишь от Барбары). Она высказала свою ядовитую полуправду, не подозревая, что ее слова могут иметь такие сокрушительные последствия. Она сделала его несчастным, но ни в чем не раскаивается.

Эва никогда не принадлежала к свите Хесуса. Она не знает точно почему: то ли Хесус никогда не приглашал ее, то ли это она сама решила держаться от него подальше, потому что ее от него тошнило. Жалкий учителяшка, который зовет на свидания красивых учениц. У него

был целый круг почитательниц, которые носились с ним как с писаной торбой, смеялись над его шутками и строили из себя интеллектуалок. Обсуждали фильмы, которых не понимали, и притворялись, что читают книги, от которых их клонило в сон. А на уроках дрались за его улыбку и комплименты, и каждая мечтала, чтобы он невинно похлопал ее по заду, как он умеет. Среди них была и Барбара. Эва помнит, как Хесус положил на нее глаз. Иди сюда, сказал он ей и назначил ее капитаном команды. И Барбара смотрела ему в рот, этому козлу, которому все сходило с рук, пока однажды Пепе Молина, отец Барбары, не разбил ему лицо. Эва была довольна: Хесус получил по заслугам. Это следовало сделать давным-давно. Наконец-то все всплыло, все вышло на свет – но ненадолго, вскоре все умолкли вновь. Лицемеры! Хесус на свободе, хоть он этого и не заслуживает. Он должен был бы сидеть за решеткой, извращенец, манипулятор, педофил, убийца Барбары – вот что думает Эва. Она всегда думала именно так. Но что же теперь получается? Выходит, Барбара жива. Как такое переварить? И, возможно, она, Эва, единственный человек в мире, который знает об этом. Или нет? Невозможно выкинуть из головы вопль Барбары: «Помоги мне!» Это значит, она несвободна, ее жизнь в опасности, ей угрожают, может быть, держат взаперти. Внезапно свалившаяся ответственность подавляет Эву. Ну почему Барбара выбрала именно ее? Плохую подругу. Предательницу.

Она медлит некоторое время. Обдумывает все. Признает, что все эти годы пыталась убедить себя, что поступила правильно. Что направила следствие в нужную сторону, указав на Хесуса вместо Мартина Борраса, ведь это Хесус причинил вред Барбаре. Но теперь Эве приходится признать: она ни в чем не уверена. Она ведь так никому и не рассказала о том инциденте в погребе дома в Росасе. Как Мартин орал на нее, когда застал возле двери в погреб – она как раз собиралась нажать на ручку. Как у него злобно заблестели глаза. Как он замахнулся, чтобы ударить ее, а она в ужасе убежала наверх по лестнице. Она никому об этом не рассказывала, потому что в противном случае все узнали бы о ее свидании с Боррасом, а в те времена такие вещи очень ее волновали. Позже, уже в комнате, Мартин стал оправдываться, говорил, что испугался, что она расшибется, что его дедушка как-то оступился на лестнице и разбил голову, поэтому он и не хотел, чтобы люди спускались в погреб. Она хотела верить ему. Она не раз размышляла о причинах его ярости. Что он прячет в погребе? Что не хотел ей показывать? Звонок Барбары и ее отчаянная мольба о помощи воскресили тот вечер в памяти Эвы и заставили ее задуматься. «А что, если...» – говорит она себе, не решаясь закончить фразу. «А вдруг...» – думает она в тоске, и руки ее начинают дрожать. Она отвлекается от домашки и берет телефон. В гостиной на тумбочке лежит записная книжка, и она без труда находит добавочный номер субинспектора Лосано. Он заставил ее записать номер, не спрашивая, хочет она этого или нет, и сто раз повторил: если она узнает хоть что-то новое о Барбаре, пусть немедленно с ним свяжется. Может, он и псих, но дело свое знает и вообще человек серьезный. Он точно знает, что делать в такой ситуации, и теперь-то она всё ему расскажет, ничего не утаит. Конечно, ей будет стыдно – и за то, что тогда она солгала ему, и за то, что была влюблена в Мартина Борраса. Но ничего. Она уже взрослая женщина и сможет ответить за ошибки, которые совершила еще девчонкой.

– Здравствуйте, – бормочет она, – добрый день, ну или добрый вечер, могу я поговорить с субинспектором Лосано?

Эва смотрит на часы – четверть пятого, непонятно, как нужно здороваться в это время, «добрый день» или уже «добрый вечер». Вот у англичан все четко: после пяти день заканчивается, начинается вечер.

– Он пошел обедать. Ему что-нибудь передать?

Эва замирает. Она не хочет разговаривать ни с кем, кроме Лосано.

– Я по личному делу.

Голос на другом конце провода звучит жестче.

– Ваше имя и телефон?

Эва не отвечает. Ей становится дурно, она не хочет ввязываться в это. Она уже раскаивается в том, что позвонила в полицию.

– Кто это? Ваше имя?

Она, как в тот, первый раз, чувствует, что ее несправедливо в чем-то обвиняют, и вешает трубку, тяжело дыша, будто посреди восхождения на горную вершину вдруг осталась без кислорода. Она превращается в клубок нервов. Что теперь делать?

Эва встает и берет папку с материалами по английскому: по привычке – она всегда носит ее с собой, папка закрывает ее грудь, чересчур большую.

Она сделает то, что сделал бы любой на ее месте: пойдет к родителям Барбары.

7. Сальвадор Лосано

Сальвадор Лосано в ресторане тайком сунул в карман зубочистку и теперь, сидя в одиночестве в кабинете в ожидании Суреды, задумчиво ковыряет в зубах. Он обожает треску, но потом всегда раскаивается, что взял ее. Жена когда-то подарила ему складную зубную щетку из тех, что продают в аптеках, но он вечно ее теряет. Иса, секретарша, сказала, что ему звонила какая-то девушка, которая не пожелала представиться. «Пробей номер по базе и выясни, что за девушка», – просит Лосано.

Он уверен: если у нее что-то важное, она перезвонит. Вот Пепе Молина, например, аж пришел за ним в бар, где он обычно пьет кофе по утрам. Да, если б не отец Барбары, расследование прекратили бы давным-давно.

– В этом деле нет особой надежды на успех, – заявляет Лосано сразу.

Тони Суредра сидит напротив, как прилежный ученик, с блокнотом и ручкой, а в его черных-пречерных глазах блестят веселые искорки. Наверняка выпил вина, думает Лосано, а за десертом рассказывал похабные анекдоты.

– Итак, – начинает он, выкладывая на стол все бумаги. – Четыре года назад Барбара Молина, которой тогда было пятнадцать, сбежала из дома. Без объяснения, без причины. Во вторник двадцать второго марта 2005 года. Она оставила записку, написанную от руки, второпях, решительную и трагическую: «Я ухожу, не ищите меня. Барбара». Ее мать, Нурия Солис, позвонила нам на следующий день, после бесплодных поисков по домам друзей и знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.